

Ягудина О.В.

Оренбургский государственный университет

E-mail: yagudina_ov@mail.ru

РОЛЬ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ОБЩЕСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ОРЕНБУРГСКОГО И УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

В статье анализируется роль старообрядцев в общественно-религиозной жизни Уральского и Оренбургского казачьих войск в дореволюционный период. Кроме того, интересен вопрос о влиянии староверов на жизнь региона посредством участия в местном самоуправлении.

Ключевые слова: казаки, старообрядчество, общественно-религиозная жизнь, миссионерство, староверие, Уральское казачье войско, Оренбургское казачье войско.

Старообрядчество – сложное многогранное явление русской истории. Присущая староверию консервативность позволила сохранить религиозные традиции допетровской Руси.

Определяя старообрядчество как яркое общественно-религиозное явление российской истории, важно отметить, что оно также являлось неотъемлемой частью истории Оренбургского края. Данная территория со времени ее освоения считалась местом проживания большого числа староверов.

Интересен вопрос о роли старообрядцев в жизни региона. К сожалению, в дореволюционных, да и советских исследованиях, в редких случаях ставился вопрос о влиянии староверия на социальную жизнь и культуру, такой подход наметился только в конце XX века. В дореволюционных исследованиях предпочтение отдавалось изучению старообрядческого быта, традиций и обрядности.

Во многом это объяснялось тем, что большинство дореволюционных исследователей не делали акцент на изучении традиционности данного исторического явления, его идеологической стороны. Отождествление его с сектантством не позволяло выявить уникальные особенности религиозного мировоззрения староверов, которые, несомненно, отражались на их поведенческих моделях по отношению к окружающему миру.

Современная историческая наука при анализе старообрядчества делает основной упор на исследование роли данного религиозного движения в общественно-политической, культурной и социально-экономической жизни страны. На сегодняшний день движение староверов устойчиво трактуется как «модернизационные процессы на периферии –

территориальной, вероисповедальной, социальной» [1, с. 18–19].

Неотделима история старообрядчества от истории уральских и оренбургских казаков. Являясь этнически самобытной группой, именно приверженность старым обрядам стала для них одной из главных характеристик уникальности. Проникнув во все сферы жизни, староверие отложило значительный отпечаток на хозяйственной и культурной жизни казачества. Среди казаков Яицкого (Уральского) войска к 1901 г. число старообрядцев составило 63346 (50%). В Оренбургском же войске число староверов к 1901 г. составляло 18341 (4,6%). Не зря старообрядцы называли Уральский край – «Новым Иерусалимом».

Первоначальные сведения о появлении староверов на данной территории относятся к началу XVIII века. Как отмечалось выше, наибольшее распространение староверие получило среди казаков Яицкого (Уральского) войска, которое в историко-культурологическом плане сформировалось как «особая этническая область, где старообрядчество было одним из главных составляющих ее культурных элементов» [2, с. 58]. Необходимо отметить, что религиозная идея помогала поддерживать их братство и дисциплину: «Насадители раскола сумели однажды и навсегда внушить казаку неразрывность существующих положений гражданских в войске с предметами церковными» [3, с. 197–198].

Консервативные чиновники во многих войсковых отчетах отмечали, что староверие на казачьей территории представляется «опасной язвой», которая укоренилась в войске при самом образовании его, а укреплению позиций староверия, по их мнению, способ-

ствуует малочисленность православных церквей и духовенства.

В других местах империи при малочисленности старообрядцев наблюдался процесс смешения их с православными, а затем уже и вхождение их в лоно официальной церкви. В Уральском войске раскол искоренить оказалось гораздо труднее, поскольку абсолютное большинство казаков во второй половине XIX века придерживалось старых обрядов.

Непростым было положение вещей и в Оренбургском казачьем войске, несмотря на то, что число проживающих там староверов было значительно меньше, чем в Уральском.

Общественная жизнь казаков-старообрядцев во многом определялась их религиозными представлениями. Религия, пронизывая все стороны жизни казачества, не могла не отложить свой отпечаток на отношение к окружающему миру и не повлиять на характер взаимоотношений с проживающими по соседству новообрядцами. В большинстве случаев старообрядцы ограничивали свое общение с представителями официального православия.

По вопросам церковным и общественным уральские раскольники контактировали не только со своими ближайшими соседями, как, например, со староверами, проживающими на территории Уфимской епархии, но и непосредственно с московскими старообрядцами, посылая своих представителей на конференции.

Ошибкой светской и духовной властей стало причисление старообрядцев к сектантскому движению. Исследователи данного вопроса уже в XX веке замечали, что такой подход свидетельствует о дилетантском отношении властей к староверам. В частности, это подвергалось критике В. Бонч-Бруевичем: «Нужно ли говорить о том, что происхождение русского сектантства и старообрядчества совершенно различно, и спутывать и то, и другое, подводя под одно наименование, значит еще больше усложнять этот вопрос народной жизни, который до сих пор далек от благополучного разрешения» [4, с. 222].

Наказной атаман Уральского казачьего войска А.Д. Стольпин (отец русского реформатора П.А. Стольпина) так же отмечал, что религиозные взгляды уральских казаков нельзя сравнивать с русским расколом, так как это два разных явления, «... раскол в Уральском войске есть безверие, а не фанатизм...» [5, с. 108].

На оренбургских староверах царское правительство особо акцентировало внимание. Связано это было с тем, что раскол, получивший распространение по большей части в среде уральского и оренбургского казачества, мог нанести существенный удар по позициям царизма на юго-восточных рубежах государства.

На борьбу с расколом был поставлен весь государственный аппарат – это было «профессиональное занятие церковных властей, в котором государственному управлению приходилось служить лишь карательным орудием» [6, с. 111]. Главная роль в этом вопросе отводилась целому штату миссионеров. Основными методами, используемыми миссионерами для борьбы со старообрядчеством, являлись миссионерские беседы – публичные и частные, а также распространение книг и брошюр противораскольнического характера.

Быт казаков-старообрядцев был настолько своеобразен, что во многом отличал их от живущих с ними рядом «никонианцев». Их традиции сформировались под воздействием казачьих нравов и представлений староверов, поселившихся среди казаков и привнесших «в их жизнь патриархальные средневековые устои» [7, с. 132].

Но все это было характерно для ранней истории староверия. Начиная с середины XIX века, представители ряда старообрядческих согласий начинают более активно участвовать в общественной жизни государства: благотворительная деятельность, участие в работе органов местного и центрального управления, религиозных дискуссиях с миссионерами государственной религии. Первоначальная замкнутость в общении с окружающими отошла на второй план и, чтобы выжить в новых условиях, им пришлось более активно заявлять о себе.

Важной особенностью жизни уральских казаков-старообрядцев, по мнению А.И. Изюмова, была «сословная и хозяйственная замкнутость, а главное, политическое противопоставление центральной власти», все это способствовало «кристаллизации староверия в особую форму областнической идеологии» [2, с. 58]. Старообрядчество придавало всему войску характер «областнической сепаратности и исключительности», [2, с. 60] и необходимо также отметить, что религия помогала поддерживать их братство и некоторую дисциплину [8, с. 74].

На такой же позиции стоял В.Н. Витевский, считая, что стремление уральских казаков обособиться и стать полновластными хозяевами «...делало старину и старую веру привлекательной в глазах уральцев» [5, с. 7].

Долгое время в кругах российского общества бытовало мнение о староверах как о невежественных людях, их называли «темным», «отсталым», «некультурным» человеком. Соответственно и к деятельности их относились «иронически пренебрежительно, совершенно отрицая его жизнеспособность в области культуры и цивилизации» [9, с. 57]. Сторонники данной позиции объясняют это тем, что именно засилье староверия привело к отсутствию на территории Уральского войска начальных учебных заведений вплоть до середины XIX века. Но при этом замалчивалось влияние на решение данного вопроса репрессивной политики правительства по отношению к старообрядчеству, когда они фактически попадали в ранг «изгоев» общества.

В Уральском войске неумеренная ревность епархиального начальства привела к плачевным результатам, вызвав недоверие и вражду среди казаков-старообрядцев. Поэтому светские власти старались действовать более осторожно. В отчетах губернатору неоднократно говорилось о том, что ввиду преобладания старообрядческого элемента в Оренбургском крае преследование раскола было бы лишь «бесплодной репрессией, свидетельствующей об отсутствии просвещенной терпимости», поэтому было предложено оградить уральцев особыми правилами как для пользы самого края, так и для избежания разногласий по данному вопросу между светской и духовной властью [10].

В.А. Перовский неоднократно заявлял, что правительственными репрессиями раскол в Уральском войске искоренить не удастся. В этом вопросе он был солидарен со священниками официальной религии и предпочтение отдавал «всеобщему просвещению», оговаривая, что этот процесс должен проходить постепенно и поэтапно [11, с. 467–473], так как раскол имел крепкие корни среди казаков. Продолжая эту мысль, они считали, что «... если бы... старообрядцы охотно отдавали детей своих в церковно-приходские школы, то новые поколения... выходили бы из школы, если не прямо православными сынами церкви, то, по

крайней мере, не фанатичными и упорными врагами ея, и чуждыми нелепых и крайних расколовоззрений» [12, с. 58]. Для того чтобы привлечь внимание староверов к таким школам, предлагалось больше внимания уделять дисциплинам религиозного характера, в особенности изучению Закона Божьего исключительно в подлинниках, а не по руководствам, разрешить использование двухперстного крещения при молитве [11, с. 467–473].

Но желающих учиться со стороны старообрядцев были единицы. Такую позицию они объясняли недоверием к местным единоверческим священникам. От земских и министерских школ староверов отталкивали слабость в них церковного элемента, преобладание «новомодных» способов преподавания. Нередко слышались жалобы от старообрядцев на то, что преподавание в народных школах ведется по книгам гражданской печати, тогда как они отдавали предпочтение церковно-славянским [11, с. 467–473].

Образование в начальной школе староверы заменяли обучением, проводившимся так называемыми «мастерами или мастерицами». В их качестве выступали в основном отставные казаки, вдовы, старые девицы, начетчики, поддерживающие патриархальные устои, что, несомненно, сказывалось и на самом образовании. Данное положение вещей неоднократно констатировалось в отчетах, и красной нитью проходила мысль, что малограмотные келейники и странники, занимающиеся преподаванием в таких школах «... укрепляют в детях изуверство...» [11, с. 467–473]. Занятия проводились по возможности тайно в частных домах казаков-старообрядцев.

Касаемо участия старообрядцев в общественной жизни, то еще в XVIII веке они лишились права выбора на общественные должности, старообрядческие браки считались недействительными, раскольникам предписывалось носить специальное одеяние – нагрудник, фerez, крашенную с лежащим ожерельем однорядку и сермяжный зипун со стоячим клееным козырем из красного сукна. Во второй половине XIX столетия вопрос признания гражданских прав и свобод староверов был далек от решения. Они были лишены права записи в купеческое сословие, запрещалось проведение крестных ходов, ста-

рообрядцам отказывали в праве представляться к наградам и отличительным знакам за благотворительность и т. д.

Хотя вплоть до конца XIX века отсутствовала профессиональная интеллигенция, в связи с этим в старообрядчестве не возникло ни политической идеологии, ни политического движения. Религиозная же идеология староверия отличалась осознанностью и глубиной, а необходимость в постоянной защите своих убеждений от нападок синодальной церкви являлось мощным стимулом для развития интеллектуальной деятельности. Тем более, активная общественная позиция также предполагала грамотность человека, его начитанность.

Ярко проявилась активность казаков-старообрядцев в общественной жизни войска уже в конце XIX века, несмотря на постоянные препоны со стороны местных и центральных властей, которые во многом ограничивали возможность участия староверов в местном самоуправлении. Избрание на общественные должности давало возможность влиять не только на жизнь региона, но и оказывать помощь своим религиозным «братьям».

Представленные В.А. Перовскому сведения о распространении староверия в среде офицерства выявили количество раскольников, занимавших общественные должности, а также случаи злоупотребления служебным положением. Так, например, два офицера Оренбургского войска, придерживающиеся староверия, занимали должности заседателей полкового правления, на которых лежала вся полицейская и распорядительная по округу часть [13, с. 110]. В результате 26 января 1846 г. был издан указ Войскового правления, запрещающий избрание старообрядцев в станичные начальники и судьи. Со времени выхода выше названного указа наказной атаман был обязан вести подробные ведомости о числе чиновников, придерживающихся староверия.

Особо упорных раскольников запрещалось представлять на повышение по службе и допускать к войсковым должностям, в большей степени эти меры затрагивали уральских казаков как ярых приверженцев старообрядчества. Более того, в 1853 г. по ходатайству того же Перовского император разрешил не принимать в Оренбургское казачье войско лиц податного сословия из раскольников.

В первой половине 60-х гг. XIX в. временно исполняющий обязанности наказного атамана Оренбургского казачьего войска Е.И. фон Зенгбуш обратился с просьбой к губернатору об отмене запрета вступать казакам-старообрядцам в должность урядника, объясняя это нехваткой урядников в войске. В 1865 г. было разрешено производить казаков-староверов, относящихся к поповщинской секте, в урядники [14]. Менее категоричная позиция поповцев к обществу открыла им возможность участия в общественной жизни не только на казачьей территории, но и в государственном масштабе. Известен атаман-старообрядец станицы Уйской Троицкого уезда, заседавший в I Государственной думе – Степан Семенович Выдрин.

По правительственным замечаниям все попытки не допустить старообрядцев к исполнению общественных должностей на практике встречали «... бесконечные и почти непреодолимые затруднения...». Связано это было с тем, что староверы от низших должностей «... весьма охотно отступаются, уплачивая незначительные денежные повинности в пользу исполняющих за них обременительные и неприятные обязанности», зато с большим рвением вступали в борьбу за высшие должности [15, л. 2].

Если же большинство в станицах принадлежало к господствующему вероисповеданию, то местное население всеми силами старалось не допустить старообрядцев на общественные должности. В особенности это проявилось в Троицком уезде, где в казачьих поселениях раскольников не допускали до баллотирования на общественные должности, этим и объясняется отсутствие служащих раскольников в данном уезде. Но по губернаторскому отчету за 1869 г. видно, что «при устройстве волостного правления... они всеми мерами старались или сами занять какие-нибудь должности, или выбрать православных, но таких лиц, которые по единомыслию с ними могли бы покровительствовать им» [16, л. 32–40].

Другим важным замечанием губернатора является то, что раскольники имели значительный вес в обществе в силу своего богатства. Наиболее ярко это проявлялось во время решения вопросов на волостных сходах, о чем свидетельствуют события, произошедшие в станице Рассыпной Оренбургского войска. Там ста-

ничный хорунжий Котельников, являющийся старообрядцем, чтобы отвлечь православных казаков от посещения по праздничным и воскресным дням церкви к Божественной литургии «собирает мирские сходки для решений общественных дел, или делает казакам ученья...» и на все напоминания священника официального православия, он ссылался «на положение о донском войске» [17, л. 1–1 об.]. Даже в день восшествия на престол императора Николая Павловича казаки станицы Рассыпной, вплоть до отставных, занимались учениями.

В одном из номеров «Оренбургского листка» за 1887 г. отмечалось сильное влияние подполковника Оренбургского казачьего войска (к сожалению, автор газетной заметки не называет его фамилии), состоявшего у старообрядцев в звании архиерея. Хорошая осведомленность в силу своего статуса в вопросах судопроизводства позволяла вышеназванному подполковнику «с особым умением скрывать свои действия, распространяя лжеучение среди других». В 1867 г. против него было возбуждено уголовное дело, но за недостатком доказательств было закрыто [18, л. 33 об. – 34].

Особую опасность при выборах на общественные должности представляли так называемые «тайные» последователи раскола, которые в большом количестве проживали на территории Оренбургского и Уральского казачьих войск. Старообрядцы различных толков и согласий, бежавшие из центральных районов государства, находили приют и некоторую свободу в проведении богослужений среди уральских казаков. «Уральские казаки, – подчеркивалось в одной из публикаций в «Оренбургских епархиальных ведомостях», – как ревнители старины, считали за особый подвиг дать у себя убежище гонимому за старое благочестие». Такое положение вещей констатировал В.Н. Витевский: «В то время как в других казачьих общинах требовалось, чтобы вступающий в них был христианин и давал обет без пощады убивать басурман, яицкие казаки не пренебрегали никем и отличались некоторой веротерпимостью... Когда Яик переполнялся всякого рода беглыми, войско позволяло всем, приходившим к нему жить добровольно, исповедовать свою веру...» [19, л. 111].

Необходимо отметить, что вопрос о «тайных» раскольниках стоял остро не только в

изучаемом нами регионе, это была проблема российского масштаба. Выявление их было делом случая.

Особенной общественной активностью отличались представители австрийского согласия. «Австрийцы», как их чаще всего называли, были поповцами, приемлющими белокрыницкую иерархию. Священство данного согласия, по внешнему содержанию, более всего приближено к священству православной церкви, поэтому австрийское согласие рассматривалось властями как нежелательная альтернатива единоверию.

Обосновавшись на территории Оренбургского и Уральского казачьих войск в 1850-х гг., они вытеснили беглопоповцев, которые доминировали по численности в предыдущие годы.

В своих письмах Николаю II Победоносцев делал акцент именно на австрийских «лже-священниках», считая, что от них исходит угроза государству: «...Фальшивые архиереи – невежественные мужики с попами из мужиков и смущают народ, который ... не умеет отличить настоящего архиерея от фальшивого. Если бы кто-нибудь из этих архиереев и попов вздумал представиться Вашему Высочеству – боже избави принимать их. Это имело бы самые вредные последствия» [20, л. 12 об.].

Начиная с 1880-х гг. старообрядцы-австрийцы стали организовывать тайные братства, назначать в разные места своих миссионеров, издавать брошюры и трактаты, «... наполненные клеветой и хулением на православную церковь и ее служителей» [21, л. 7–7 об.].

У австрийцев была хорошо организованная миссия, и их миссионеры, свободно разъезжая, с успехом насаждали плевелы австрийского учения. Существенным моментом являлось и то, что представители австрийского согласия считались одними из самых обеспеченных в среде староверов, что позволяло им, не обременяя себя финансово, организовывать миссионерскую деятельность.

Навлекая на себя наиболее пристальное внимание со стороны не только официальной церкви, но и со стороны правительства, представители австрийского согласия подвергались преследованиям, и, по мнению властей, данное старообрядческое согласие «может явиться опасностью, что эта община обратится в народную, тогда как православная цер-

ковь останется только церковью государственной» [22, л. 67].

Создав собственную иерархию, старообрядцы-австрийцы тем самым привлекали не только православных и единоверцев, но и раскольников других толков, и в связи с этим увеличивающаяся паства придавала им смелость, что незамедлительно отрицательно сказалось на развитии взаимоотношений с официальной церковью. Возмущенные наглостью старообрядческих наставников гражданские власти неоднократно выступали с заявлениями, что такое поведение старообрядцев-австрийцев «... свидетельствует о стремлении их к созданию и упрочению особой, независимой от православной власти, раскольничьей церкви, ... производят соблазн и смущение среди православных и, как нарушающие законные права и интересы господствующей церкви, ни в коем случае терпимы быть не могут» [22, л. 7 об.].

Поселения, где не было православных храмов, являлись наиболее благодатными для распространения старообрядческими миссионе-

рами своего учения. В частности, в поселке Царевском и в смежных ему станицах Уральской области на рубеже XIX–XX вв. не имелось ни одного православного или единоверческого храма и это несмотря на то, что около половины населения данного поселка являлись старообрядцами, в большинстве своем относящимися к австрийскому согласию. В виду такого положения многие православные начинали посещать раскольничью молельню, где все богослужения совершались австрийскими священниками и «... под впечатлением... проповеди и пропаганды никем и ничем не стесняемых вожяков раскола, уловляемы, бывают, как люди малосведущие и темные...».

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что староверческий фактор оказывал значительное влияние на образ жизни и мировоззрение казаков. Засилье староверия, в особенности среди казачества, предопределило серьезный контроль деятельности староверов на территории региона со стороны центральных и местных властей.

05.04.2012

Список литературы:

1. Керров, В.В. Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX веках // Отечественная история. – 2001. – №4. – С. 18–19.
2. Изюмов, А.И. К вопросу об областной идеологии казаков-старообрядцев р. Урала // Старообрядчество: История, культура, современность: материалы научно-практической конференции. – М.: Принтер, 2000. – С. 58–61.
3. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1882. – №5. – 1 марта.
4. Бонч-Бруевич, В. Из мира сектантов: сб. статей. – М.: Государственное издательство, 1922. – 330 с.
5. Витевский, В.Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в конце XVIII и XIX вв. – Казань: Типография Имп. Ун-та, 1878. – 250 с.
6. Мельников, Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви: монография. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. – 557 с.
7. Савицкий, Г.В. Влияние религиозного фактора на процесс становления начального образования в Уральском казачьем войске в середине XIX в. // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург: ОГАУ, 2002. – С. 132–137.
8. Трофимов, А. Затерян след в степи солончаковой: Причаганье в X–XX веках. – Оренбург: ЗАО «Бюро «Альфа», 2001. – 382 с.
9. Церковь. – 1913. – №7. – 17 февраля.
10. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 4. Д. 8448.
11. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1894. – №15–16. – 1–15 августа.
12. Шахов, М.О. Старообрядчество, общество, государство. – М.: Изд-во «СИМС», 1998. – 110 с.
13. Махрова, Т.К. Раскол и единоверие в казачьих станицах Оренбургской епархии // Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура / Под ред. А.П. Абрамовского. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2001. – С. 104–124.
14. Годовова, Е.В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2005. – 23 с.
15. ГАОО. Ф. 678. Оп. 1. Д. 613.
16. ГАОО. Ф. 10. Оп. 8. Д. 97.
17. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 8114.
18. Оренбургский листок. – 1887. – №16. – 12 апреля.
19. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10573/1.
20. ГАОО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1327.
21. ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 409.
22. ГАОО. Ф. 543. Оп. 1. Д. 413.

Сведения об авторе:

Ягудина Оксана Валентиновна, старший преподаватель кафедры всеобщей истории
Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2209, тел. (3532) 372571, e-mail: yagudina_ov@mail.ru